

режиссер

«реальность куда более жестока, чем я»

Цай Мин-Лян — Газете

Один из самых талантливых, загадочных и модных как в Азии, так и в Европе режиссеров, обитатель Тайваня Цай Мин-Лян впервые будет представлен российским зрителем с новейшим фильмом «Капризное облако» — трагикомическим порномюзиклом, выходящим сегодня в отечественный прокат. Накануне с Цай Мин-Ляном пообщался Антон Долин.

«Капризное облако» — фильм о порнографии. А как к порнографии относитесь вы?

Все любят смотреть порно. Без исключения. (Смеется.)

А сами бы хотели как-нибудь снять настоящее порно?

Не знаю, еще не решил. В нашей жизни все делается только для того, чтобы заработать побольше денег. Порнокино не исключение. Но и большое кино, и арт-кино тоже! Мы смотрим порнографию на видео и перематываем то, чего не хотим видеть, уделяя внимание только тому, что нас по-настоящему интересует. И за час можем увидеть десять и более различных тел. Главное в порно — вопрос контроля, у кого в руках будет пульт управления. Однажды, смотря японский порнофильм, я наткнулся на по-настоящему неаппетитный эпизод, в котором острый предмет протыкал женский половой орган. Я буквально заставлял себя не нажимать на перематку: раз это есть в фильме, я должен это видеть. Вскоре мне стало казаться, что передо мной просто нейтральный кусок плоти и я наблюдаю за хирургической операцией. Я подумал, что это не случайно. Актеры, которые снимаются в порно, должны пожертвовать какой-то важной частью себя. Представьте себя на месте порноактера — подобные чувства стали толчком для создания моего фильма.

Но «Капризное облако» не порнофильм, не так ли?

Я пытался снять фильм, одновременно порнографический и не порнографический, эротический и не эротический. У каждого есть свой стандарт, каждый имеет в виду что-то свое под словом «порно». В Сингапуре, к примеру, есть закон, запрещающий показываться нагишом перед соседями по лестничной клетке, — за это могут привлечь к уголовной ответственности. Так что снимать порно можно, но к окну лучше при этом не приближаться: вдруг увидят! Помню

свои впечатления от японской порнографии. Женщины там всегда очень молоды — почти девочки, и постоянно одна смекает другую. А мужчин мы не видим: точнее, не видим их лиц, а видим лишь половые органы. Когда я смотрел японские порнофильмы, мне всегда казалось, что в них во всех снимается один-единственный актер... А на Тайване можно снимать порно, но ни в коем случае нельзя показывать лобковые волосы. Как хочешь, но вырежи эти кадры. Если их не показывать — это еще эротика, а если показать — уже порнография. Думаю, «Капризное облако» доставит тайваньской цензуре немало хлопот. Когда я снимал мой первый фильм, «Бунтовщики неоновых богов», там была сцена, в которой мой постоянный актер Ли Кан-Шен принимает душ. Я по чистой случайности показал волосы там, где не надо... и из-за этого весь эпизод был вырезан! (Смеется.)

«Капризное облако», безусловно, серьезный фильм, но публика не перестает смеяться. Вы планировали снять комедию или это вышло случайно, само собой?

Самое забавное, что когда я встречаюсь с моими продюсерами, чтобы обсудить бюджет следующего фильма, то первым делом говорю им: «Кстати, это будет комедия!» (Смеется.) Ли Кан-Шен мог бы стать превосходным комиком, в этом я уверен. Не хуже Бастера Китона. Я никогда не стремился снимать комедии. Но это случается само собой: люди приходят в кино, смотрят мой фильм и смеются во весь голос. Если довести любые, самые обычные жизненные явления до абсурда, они всегда становятся комичными. Люди смеются не над фильмом: они смеются над реальностью. Но мой следующий фильм точно будет комедией, обещаю!

Что заставило вас после «Дыры» вернуться к внедре-

нию в фильм вокально-танцевальных эпизодов на темы старых песен, фактически видеоклипов?

Любовь к старым песням — свойство целого поколения, к которому я принадлежу. Мы росли в начале 1960-х, когда гонконгские мюзиклы пытались побороть влияние голливудских мюзиклов. Им это удалось: в результате они стали популярнее. Те мюзиклы — важная часть моей жизни. Хотя, самое странное, сюжеты совершенно не отложились в памяти; только отдельные песни. Для того чтобы делать мюзиклы, мне, как и моим гонконгским предшественникам, не нужно столько денег, сколько тратится на это в США. Музыкальные фрагменты в моих фильмах подобны снам. Но они слишком коротки, чтобы быть настоящими сновидениями. Музыка — что-то сюрреалистическое, волшебное. Она прерывает события реального мира, чтобы дать возможность вдохнуть другой воздух. Так нереальная музыка влияет на окружающий мир, и наоборот.

Вопрос, на который вы, наверное, отвечали уже сотни раз, почему ваши персонажи в основном молчат?

Любой фильм, по-моему, слишком ограничен во времени: два часа, никак не больше. Так что каждая деталь — на вес золота. Едва хватает времени, чтобы по-настоящему увидеть фильм. И уж точно нет времени на то, чтобы его услышать. Когда я работал над фильмом «А там у вас который час?» со знаменитым французским оператором Бенуа Дельоммом, он сделал мне комплимент: «До сих пор я только слышал фильмы, а сейчас впервые в жизни вижу». Не то чтобы я нарочно хотел разрушить какие-то стандарты. Просто все мои фильмы — об изоляции, а в изоляции не с кем говорить. В «Капризном облаке» главные герои живут в одном доме, но у них никак не получается встретиться и познакомиться, потому что они забыли, как это делается. Иногда мои

персонажи трансформируются под влиянием окружающей среды и превращаются из людей в своеобразных насекомых. Не случайно они карабкаются по стенам или держат сигарету ногой вместо руки. Такие детали в моих фильмах и могут сказать зрителю, что творится внутри героев.

Шокирующий финал «Капризного облака» — по-вашему хеппи-энд или нет?

Однозначного ответа я вам не дам — это было бы слишком уж просто. Лучше не отвечать на некоторые вопросы. Кроме того, я не могу говорить за моих актеров, лучше спросить их самих. Возможно, я просто не хочу знать сам, счастливый ли это конец... Помню, когда я снимал финальную сцену, я был весьма хладнокровен и спокойно наблюдал за происходящим на экране монитора. И тут на площадке появилась женщина — один из продюсеров, недолго понаблюдала за происходящим, а затем принялась плакать. Вся в слезах, она обратилась ко мне: «Ты на самом деле хочешь, чтобы это выглядело именно так?» Но лично для меня последний образ говорит сам за себя. И вот что он говорит: любовь все-таки существует на свете. Просто для того, чтобы доказать ее существование, иногда нужны очень жесткие аргументы. После съемок последней сцены я вышел на улицу. Шел дождь, а я стоял под ним и ждал, когда меня заберет машина с шофером. Тогда вдруг мне стало ужасно грустно, я подумал о моих актерах и том, на что они готовы пойти ради воплощения моего замысла. Но ведь реальность куда более жестока, чем я.

Вы пытаетесь передать эту жестокость в своих фильмах?

Никто, и тем более ни один фильм, не даст вам ответ на вопрос, что есть жизнь. Такие вещи каждый человек определяет для себя самостоятельно. Все, на что способно кино, — заставить человека понять, что он способен испытывать те или иные чувства.

Кино напоминает о чувствительности. Впрочем, это относится не только к кино, но и к живописи, и к литературе. С другой стороны, может наступить и противоположный эффект: искусство пробудит злобу и равнодушие. Так что я воздержусь от окончательного ответа. Все, на что я способен, — это выразить в фильме некоторые чувства и переживания, к которым я был склонен в определенный период моей жизни. Это максимум.

Последний вопрос: почему вы так любите арбузы, которыми ваши фильмы буквально переполнены?

Арбуз — мой любимый актер, он снимается в моих фильмах уже много лет. Помните, в «Vive l'amour» или «Бунтовщики неоновых богов»? Кроме того, тайваньские арбузы — лучшие в мире! (Смеется.)

газета

водный мир

Цай Мин-Лян родился в 1957-м году в маленьком городке в Малайзии, юнойшей переехал учиться в Тайвань — в Тайбэйский университет. Снимал фильмы для телевидения, работал как театральным продюсер. Его полнометражный кинодебют «Бунтовщики неоновых богов» (1992) был награжден на фестивале в Турине. Второй фильм «Vive l'amour» (1994) был удостоен «Золотого льва» в Венеции, третий, «Река» (1996), получил «Серебряного медведя» в Берлине. Каждый следующий фильм Цая не оставался без крупной фестивальной награды. В его картинах с экрана звучит не больше пяти-шести реплик, а на зрителя выливаются потоки воды. Цай — один из фаворитов европейских критиков, о его фильмах пишут книги и защищают диссертации.

02.06.05 Мир-Лян Цай

336